

Юлия Язикова

О так называемой упаковочной лексике : к истории советской лексикологии

Studia Rossica Posnaniensia 5, 87-90

1973

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮЛИЯ ЯЗИКОВА
Горький

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ УПАКОВОЧНОЙ ЛЕКСИКЕ (к истории советской лексикологии)

Понятие „упаковочного материала” было предложено академиком Л. В. Щербой. В статье *Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. „Воспоминание” Пушкина* (1922 год) он писал, что в языке „мы всегда можем различать важное, существенное и, так сказать, »упаковочный материал« (это различие выступает всегда, когда мы затруднены в речи или аффектом, или другим занятием, или просто ленью — »упаковочный материал« в той или другой мере исчезает, и произносятся лишь самые существенные слова)”¹. Сам автор не привел примеров упаковочного материала в лексике, ограничившись процитированным разъяснением. Вместе с тем рассуждение о факте требует привести сам факт, поэтому нам придется обратиться к предложенному источнику и рассмотреть несколько типичных эллиптических конструкций, чтобы выяснить, какие именно элементы и почему в них опускаются.

В первую очередь эллипсис характерен для реплик диалога. Состав таких предложений „определяется тем, какие слова необходимы для развития высказыванной в предыдущей реплике мысли и без каких слов можно обойтись, поскольку смысл их ясен собеседникам из предшествующих реплик”². Далее, это самостоятельно (не в диалоге) употребляемые неполные предложения с опущенным сказуемым. Как правило, они соотносимы с полными предложениями, включающими глагол-сказуемое со значением бытия, движения, побуждения, речи и т.п. Наконец, это конструкции, входящие в состав сложных предложений. В них обычно опущен член, „имеющийся в другой части того же предложения и являющийся общим членом по отношению к обеим этим частям”³. Все названные типы предложений, правда под синтаксическим углом зрения, описаны в Академической грамматике. Для нас важнее отмеченные ее авторами лексико-семантические признаки опущенных членов: это слова, смысл которых или ясен из предыдущего текста, или подсказан своеобразием синтаксической конструкции.

¹ Л. В. Щерба, *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1957, стр. 32.

² *Грамматика русского языка*, т. II, ч. 2 Москва 1954, стр. 90.

³ Там же, стр. 111.

Кроме описанных Академической грамматикой типов неполных предложений разговорная речь знает иные типы, ставшие объектом научного изучения лишь в последние годы. Такие предложения представлены, в частности, в книге Е. А. Земской *Русская разговорная речь*⁴. Рассмотрим в качестве примера приведенное там предложение „Напротив живет/в неотложке увезли”. В нем опущены элементы, которые были бы существенно необходимы в письменной речи, но в условиях данной речевой ситуации легко восстанавливаемы (слушатель без труда понимает, о ком идет речь). Не знакомый с конкретной ситуацией может догадаться, что речь идет о человеке (старом или молодом, пенсионере или артисте и т.п., короче — соседе, живущем в квартире напротив), которого в машине неотложной помощи („неотложке”) увезли в больницу⁵.

Таким образом, опущенными оказались слова, несущие в данном случае избыточную информацию. „Правильная” речь потребовала бы еще включения элементов, устанавливающих грамматические связи между частями высказывания, которые здесь опущены (показательная графическая условность, принятая при письменной передаче предложений подобного рода: они лишены знаков препинания и содержат лишь знаки — показатели паузы). По-видимому, и эти элементы оказываются избыточными в данных условиях⁶. Учитывая типичность подобных пропусков в разговорной речи, мы можем предположить, что и в „классически правильных” предложениях есть места, „пустые” для контекста, хотя они и „заполнены” словами. Об этом говорит, например, отмеченная акад. Л. В. Щербой особенность восприятия текстов старой литературы: „с увлечением читая наших классиков, мы скользим по местам, не совсем для нас по языку ясным”⁷. Правда, такое положение сохраняется только до поры, пока устаревшие, непонятные элементы стоят в тени. Если же их старое значение вступает в противоречие с современным, возникает опасность непонимания или превратного понимания. В только что цитированной статье *Опыт общей теории лексикографии* акад. Л. В. Щерба говорит: „Достаточно, собственно, привести следующие стихи Пушкина:

Счастлив, кто близь тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

⁴ Е. А. Земская, *Русская разговорная речь*, Москва 1968.

⁵ Если бы ситуация не подсказывала, кого именно увезли в больницу, то это слово и не могло бы быть опущенным.

⁶ Исследования последних лет показали, что конструкции подобного типа нельзя считать деформированными. Это особые синтаксические построения, свойственные разговорной речи. Вместе с тем это не мешает нам говорить об опущенных в силу разных причин элементах.

⁷ Л. В. Щерба, *Опыт общей теории лексикографии*. В его книге: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. I, Ленинград 1958, стр. 60.

Совершенно очевидно, что неискушенный читатель может воспринять их совершенно превратно в целом⁸. С другой стороны, множество фактов, не мешающих пониманию писателей прошлого, хотя их язык и отличается от нашего современного⁹, свидетельствуют, что „упаковочные слова”, в значительной степени избыточные для данного текста, постоянно встречаются в речи.

Однако возникает другой вопрос: можно ли говорить об упаковочном материале применительно к языку. Думается, что в отношении к знаменательной лексике общенародного языка¹⁰ на этот вопрос ответ будет отрицательным: трудно представить себе слова, которые во всех контекстах оказались бы семантически избыточными. Этому противоречит самое существо лексического значения.

Упаковочный материал присущ и языку художественной литературы. Об этом в свое время говорил Л. В. Щерба, об этом же свидетельствует и наш читательский опыт. Но и здесь мы найдем упаковочный материал только в речи писателя, только в определенных текстах. Если же ставить перед собой задачу описывать язык писателя, опираясь на тексты (одна из задач, которые ставят перед собой составители словаря языка писателя), то мы должны исходить из того, что и в языке писателя также нет упаковочных знаменательных слов. Причем слову вовсе не обязательно быть равномерно нагруженным в любом произведении писателя, в любом тексте. Как и в общенародном языке, слово может быть „пустым” в одних текстах, относительно значимым в других и оказываться семантическим центром высказывания в третьих. Думается, что для него вовсе не обязательно по преимуществу быть употребительным в контекстах третьего рода, чтобы не утратить право считаться полноценным словом языка. То же и для языка писателя. Сказанное не означает, что исследователи не должны устанавливать своеобразную иерархию слов по значимости в языке писателя. В результате мы увидим, что часть слов стоит на пути семантического выветривания, на пути превращения в упаковочный материал. Но в качестве необходимого условия нужно тщательное обследование всех текстов. Без выявления конкретного списка таких слов было бы неоправданным априорное вычленение упаковочных слов и отказ от их описания в словаре языка писателя.

Мы остановились на выявлении семантических свойств упаковочной лексики. Иного осмысления этого термина, распространяющегося в последнее

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ Мы не говорили о диалектных и прочих языковых особенностях, также остающихся за порогом читательского внимания.

¹⁰ Вопрос о том, можно ли считать грамматикализованные единицы словаря (связки, союзы и проч.) упаковочным материалом, мы оставляем в стороне, так как это иная проблема и она требует иного анализа.

время в работах по теории поэтической лексикографии и связанного с щербовским его пониманием лишь косвенно, мы не касались.

ON THE SO-CALLED „WRAPPING LEXICOLOGY”
(from the history of Soviet lexicology)

by

JULIA YAZHIKOVA

Summary

The author of the article has made an attempt at specifying more accurately L.V. Shcherba's notion of „wrapping lexicology” (upakovačnaja leksika) which refers to the redundant material of an utterance. It has been stated that this phenomenon may be the element of speech but not of language.